

ТОПОНИМЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И.А. БУНИНА

К 140-ЛЕТИЮ И.А. БУНИНА
(1870–1953)

Статья посвящена исследованию топонимии эпицентра Буниной России – Елецкого уезда Орловской губернии.

Ключевые слова: топография, топонимия, мифонимы, апеллятивы, диалект, елецкие говоры, ландшафт, история, мировая художественная культура.

G.N. Sergeeva
T.V. Krasnova

PLACE NAMES IN THE WORKS BY IVAN A. BUNIN

DEDICATED TO THE 140-ANNIVERSARY OF IVAN A. BUNIN (1870–1953)

The article is dedicated to study toponym's epicentrum of Bunin's Russia Yelets district of Orel province.

Keywords: topography, toponyms, mythonims, appellatives, dialect, Yelets talks, landscape, history, world artistic culture.

Полвека жизни связывает Ивана Алексеевича Бунина с Елецким уездом Орловской губернии, где он провел и детские, и юношеские годы и где сформировался как великий русский писатель. Первопричиной своей успешной литературной деятельности И.А. Бунин считал именно тот факт, что становление его таланта проходило в тех местах, которые отмечены золотым кольцом на воображаемой карте духовных достижений России:

«Все предки мои всегда были связаны с на-родом и с землей, были помещиками. Помещиками были и деды и отцы мои, владевшие имениями в средней России, в том плодородном подстепье, где древние московские цари, в целях защиты государства от набегов южных татар, создавали заслоны из поселенцев различных русских обла-

¹ Кандидат филологических наук, доцент, заместитель директора по научно-методической работе Елецкого филиала НОУ ВПО «Российский новый университет».

² Кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Елецкого филиала НОУ ВПО «Российский новый университет».

стей, где благодаря этому образовался богатейший русский язык и откуда вышли чуть ли не все величайшие русские писатели во главе с Тургеневым и Толстым» [2, VI, 543].

Не только Тургенев и Толстой, но и Лермонтов, и Лесков, и Фет, и Тютчев, и Андреев, а затем Пришвин, Розанов, Сергей Булгаков, Замятин и многие другие, составившие мировую славу русской литературы, были соседями и даже современниками И.А. Бунина. В «Жизни Арсеньева» есть такие строки:

«Проехал Шипово [село в нескольких километрах от Озёрок. – Авт.], потом въехал в ту самую Кроптовку, где было родовое имение Лермонтовых. Тут я отдохнул у знакомого мужика, посидел с ним на крыльчке, выпил квасу. Перед нами был выгон, за выгоном – давно необитаемая мелкопоместная усадьба, которую красил немного только сад, неподвижно поднимавший в бледно-голубом небосклоне, за небольшим старым домом, свои черные верхушки. Я сидел и, как всегда, когда попадал в Кроптовку, смотрел и думал: да ужели это правда, что вот в этом самом

доме бывал в детстве Лермонтов, что почти всю жизнь прожил тут его родной отец?

Да, вот Кроптовка, этот забытый дом, на который я никогда не могу смотреть без каких-то бесконечно-грустных и неизъяснимых чувств... Вот бедная колыбель его, наша общая с ним, вот его начальные дни, когда так же смутно, как и у меня некогда, томилась его младенческая душа, «желанием чудным полна», и первые стихи, столь же, как и мои, беспомощные... А потом что? А потом вдруг «Демон», «Мцыри», «Тамань», «Парус», «Дубовый листок оторвался от ветки родимой...» Как связать с этой Кроптовкой все то, что есть Лермонтов?» [2, V, 134–135]. И здесь же, чуть дальше, читаем: «Вчера, говорят, мимо нас прошла по большой дороге в отъезжее поле чья-то охота вместе с охотой молодых Толстых. Как это удивительно – я современник и даже сосед с ним! Ведь это все равно, как если бы жить в одно время рядом с Пушкиным...» [2, V, 134–135].

Чувство почти ошутимого родства с теми, кто составлял гордость и славу России, кто был солью земли в то же время просто «соседом» в «бедной колыбели», не оставляло Бунина никогда и заставляло воспринимать родные места как неотъемлемую часть страны, как средоточие и сгусток жизни русского народа. Поэтому совсем не удивительно, что действие большинства художественных произведений Бунина разворачивается именно в черноземной России, той самой, которую он так хорошо знал и любил.

*Но я люблю, кочующие птицы,
Родные степи. Бедные селенья –
Моя отчизна; я вернулся к ней,
Усталый от скитаний одиноких,
И понял красоту в ее печали
И счастье – в печальной красоте.
Бывают дни: повеет теплым ветром,
Проглянет солнце, ярко озаряя
И лес, и степь, и старую усадьбу,
Пригреет листья влажные в лесу,
Глядишь – и все опять повеселело.
Как хорошо, кочующие птицы,
Тогда у нас! Как весело и грустно
В пустом лесу меж черными ветвями,
Меж золотыми листьями берез
Синеет наше ласковое небо!
Я в эти дни люблю бродить, вдыхая
Осинников поблекших аромат
И слушая дроздов пролетных крики;
Люблю уйти один на дольний хутор,*

*Смотреть, как оземь мягко зеленеет,
Как бархатом блестя на солнце пашни
А вдалеке, на жнивьях золотых,
Стоит туман, прозрачный и лазурный...*

1889

Пожалуй, нет ни одного населенного пункта по соседству с Озёрками, который бы не был отмечен пером писателя. Польское, Жилёе, Осиновые Дворы, Ястребин Колодезь, Становая, Ворго́л – вот где рождаются, влюбляются и умирают бунинские герои, где отживают свой век старые дворянские гнезда и с ними уходят в прошлое воспоминания и предания старины.

Обильное употребление топонимов во всех их разновидностях – названия стран и городов, сел и деревень, рек и речушек, оврагов, лесов, улиц – является отличительной чертой прозаических произведений писателя, делающих их не похожими на любые другие в русской литературе. Однако более всего поражает тот факт, что среди четырех сотен российских топонимов, зафиксированных в художественной прозе Бунина, не найдется и десяти, которые были бы воссозданы его воображением. Это значит, что практически каждый топоним, упоминаемый Буниным на страницах произведений, может быть найден и отмечен на географической карте России, на топографических картах уездов и волостей или на планах городов.

Какую же цель преследует автор, насыщая свои художественные произведения такими реальными вкраплениями? Ответ прост и заключается в том, что употребление реальных топонимов в рамках художественного текста представляет собой особый литературный прием – исключительную конкретизацию места, черту, придающую художественному тексту своеобразную документальность.

Однако как ни удивительно, но ни в одном произведении мы не найдем топонима Озёрки, не встретим и Бутырок, где писатель провел раннее детство. Конечно, и Озёрки, и Бутырки неоднократно описаны на страницах произведений, но только под другими названиями. Складывается впечатление, что писатель намеренно избегает дорогих ему имен, не употребляя их всуе, постоянно заменяя их мифонимами, иногда созвучными с реальными именами, а иногда только соотносимыми с ними по семантике.

Так, деревня Озёрки, в которой И.А. Бунин провел детские и юношеские годы, воссоздана им под названием Батурино.

«В Батурине – это большая деревня, но уже известно, что такое «барская» деревня! – в Батурине тихо. Скучно лоснится на солнце мелкий длинный пруд желтой глинистой водой... С плотины дорога поднимается в гору мимо батуринского сада. Сад еще до сих пор густ и живописен, и, как на идиллическом пейзаже, стоит за ним серый большой дом под бурой, ржавой крышей. Но усадьба, усадьба! Целая поэма запустения! От варка остались только стены, от людской избы – раскрытый остов без окон, и всюду, к самым порогам, подступили лопухи и глухая крапива. А на «черном» крыльце стоит и в страхе глядит на меня слезящимися глазами какая-то старуха... Еще мрачнее в этих пустых комнатах! Первая, в которую я заглядываю из коридора, была когда-то кабинетом, а теперь превращена в кладовую: там ларь с солью, кадушка с пшеном, какие-то позеленевшие подсвечники... В следующей, бывшей спальне, возвышается пустая и огромная, как саркофаг, кровать... А я медленно вхожу в большой гулкий зал, где в углах свалены книги, пыльные акварельные портреты, ножки столов... Галка вдруг скрывается с криво висящего над ломберным столиком зеркала и на лету ныряет в разбитое окно... Вздвогнув от неожиданности, я отступаю к стеклянной двери на рассохшийся балкон, с трудом отворяю ее – и прикрываю глаза от низкого яркого солнца... Какой вечер! Как все цветет и зеленеет, обновляясь каждую весну, как сладостно журчат в густом вишенике, перепутанном с сиренью и шиповником, кроткие горлинки, верные друзья погибающих помещичьих гнезд!» [2, II, 246–247].

«За садом и за полями, простирившимися за ним, на самом горизонте, синело, подобно далекому лесу, Батурино, и там, неизвестно зачем, уже восемьдесят лет жила в своей старосветской усадьбе, в доме с высочайшей крышей и цветными стеклами, бабушка, мать матери...» [2, V, 31].

«А вскоре после того неожиданно явился в Батурино брат Георгий. Был июньский вечер, во дворе уже пахло холодеющей травой, в задумчивой вечерней красоте, как на старинной идиллической картине, стоял наш старый дом со своими серыми деревянными колоннами и высокой крышей, все сидели в саду на балконе за чаем, а я спокойно направлялся по двору к конюшне седлать себе лошадь и ехать кататься на большую дорогу, как вдруг в наших деревенских воротах показа-

лось нечто совершенно необычное: городской извозчик!» [2, V, 84].

«Впрочем, в то время, когда Лиза жила в Батурине, бедный быт наш был украшен жаркими июньскими днями, густой зеленью тенистых садов, запахом отцветающего жасмина и цветущих роз, купаньем в пруду, который со стороны нашего берега, тенистого от сада и тонувшего в густой прохладной траве, был живописно осенен высоким ивняком, его молодой блестящей листвой, гибкими глянцевиными ветвями...» [2, V, 111].

Так описывает Батурино И.А. Бунин в рассказах «Золотое дно» и повести «Жизнь Арсеньева». Почти та же поэма запустения откроется в Озёрках взору сегодняшнего путешественника, решившего посетить родные места Бунина: пруд, лоснящийся желтой глинистой водой, и уже только остатки бедного сада.

... И снилось мне, что осенней порой
В холодную ночь я вернулся домой.
По темной дороге прошел я один
К знакомой усадьбе, к родному селу...
Трещали обмерзшие сучья лозин
От бурного ветра на старом валу...
Деревня спала... И со страхом, как вор,
Вошел я в пустынный, покинутый двор.
И сжалось сердце от боли во мне,
Когда я кругом поглядел при огне!
Навис потолок, обвалились углы,
Повсюду скрипят под ногами полы
И пахнет печами... Заброшен, забыт,
Навеки забыт он, родимый наш дом!
Зачем же я здесь? Что осталось в нем,
И если осталось – о чем говорит?
И снилось мне, что всю ночь я ходил
По саду, где ветер кружился и выл,
Искал я отцом посаженную ель,
Тех комнат искал, где сбиралась семья,
Где мама качала мою колыбель
И с нежною грустью ласкала меня, –
С безумной тоскою кого-то я звал,
И сад обнаженный гудел и стонал...

1893

Задолго до роковых перемен было написано И.А. Буниным это стихотворение: предчувствие художника не обмануло. Но все-таки в Озёрках есть и отрадные картины, говорящие о том, что место людьми не забыто, не заброшено, – это новый дом с высокой крышей, вновь построенный на старом фундаменте силами предпринимателей.

Что же представляли собой Озёрки во времена И.А. Бунина? Документы, увы, донесли до нас лишь скудные сведения, из которых становится ясно, что Озёрки – деревня Елецкого уезда Орловской губернии (в настоящее время Петрищевской сельской администрации Становлянского района Липецкой области) – по документам известна со второй половины XVIII века. Была владением Чубаровых, в семье которых родилась мать писателя Людмила Александровна Бунин. По данным 1926 года – деревня Озёрки (Каменское Петино), центр сельсовета, 62 двора, 298 жителей. На 1 января 1997 года в деревне было 68 дворов и проживало 181 человек [5, II, 455].

К сожалению, в литературоведении закрепилось ошибочное произношение названия Озёрки. Это объясняется как современной системой орфографирования (заменой буквы «ё» на «е» в письменных текстах), сделавшей невозможным единое прочтение, так и влиянием фонетической аналогии. Озёрки – распространенный в России топоним: на территориях средневеликорусских и северновеликорусских говоров, окружающих Москву, где и формировалось официальное буниноведение, закрепившее ошибочное произношение, расположены многочисленные деревни Озерки (ударение на третьем слоге).

Произношение «Озерки» по отношению к родным Озёркам отмечал и И.А. Бунин в речи выходцев из других краев, и оно всегда вызывало у него легкую иронию. Так, в письме к брату от 20 ноября 1888 года он отмечает: «*Завтра... рано уеду в деревушку – Озерки, как говорит контролер (кстати, – контролер, было, подвергся на заводе за сквернословие убиению поленом и уехал из Глотова навсегда)...*» [1, 18].

Но все-таки: почему же Озёрки? Средне- и северновеликорусский топоним Озерки представляет собой омограф по отношению к южновеликорусскому топониму Озёрки, отличаясь от него грамматическими и фонетическими признаками. Так, к фонетическим признакам мы относим ударение, а к грамматическим признакам – род производящего апеллятива: название Озёрки восходит к диалектному слову «озёрка» женского рода (в елецких говорах, входящих в состав южновеликорусских, нет среднего рода), а Озерки – к апеллятиву «озерко» среднего рода с ударением на последнем слоге. Именно это обстоятельство исторически обусловило место ударения. Еще одно отличие, обусловленное различной родовой принад-

лежностью диалектных апеллятивов, мы можем заметить в форме родительного падежа: *Озёрок* (нулевое окончание, как у имен существительных I склонения), но *Озерков* (окончание -ов, как у имен существительных II склонения).

Омографы Озерки и Озёрки отличаются и семантикой. Если Озерки – это в большинстве случаев совокупность природных водоемов, то «озёрка» означает искусственный водоем, наполняющийся естественным образом. Бунин отмечает это явление в повести «Суходол»:

«Копали они пруды в каменистом ложе давно иссякнувшей речки Каменки...» [2, III, 119].

Как же соотносится реально существующий топоним Озёрки с литературным Батурино? Есть ли у них точки соприкосновения или это лишь случайный выбор писателя? Думается, что далеко не случайный. И первая точка соприкосновения, на наш взгляд, заключается в семантике топонимов. Так, в пограничных с елецкими рязанских и тульских говорах, исторически не только знакомых, но и испытывавших в эпоху монголо-татарского ига влияние тюркских диалектов (что проявляется в лексике, включая топонимию), зафиксировано слово «батура» в значении «каланча, вышка, башня; крепость, городок» [4, I, 54]. Второй точкой соприкосновения могут быть некоторые звуковые аналогии с топонимом Бутырки – небольшим хутором, где в течение нескольких лет (с четырех и до двенадцати) жил в родительском доме И.А. Бунин. Сопоставление этих фактов способствует нашему пониманию той роли, которую играли Озёрки в жизни самого писателя, а затем Батурино – в судьбе его литературных героев. Дом, крепость, городок, вышка, которая расширяет границы видимого жизненного пространства, – и все это родительский дом, мера всех вещей. И, конечно, в литературном Батурино, доме бунинских героев, нашли отражение звуки детства (Батурино – Бутырки), сопровождавшие писателя, только-только открывавшего мир и себя в нем.

Мелкопоместная усадьба Бутырки, находившаяся в нескольких километрах от Озёрок, описана И.А. Буниным в повести «Жизнь Арсеньева» под названием Каменка.

«Поместье наше называлось хутором, – хутор Каменка... на хуторе хозяйство было небольшое, дворня малочисленная. Но все же люди были, какая-то жизнь все же шла...» [2, V, 9].

Если топоним «Бутырки» является реальным и им, по словам В.И. Даля, обозначается «изба,

жилище, селитьба, отдельная от общего поселения, дом на отшибе, особняком» [4, I, 146], то топоним «Каменка» является литературным и в то же время типологическим для этих мест (на территории Елецкого уезда в XIX веке насчитывалось около десяти подобных топонимов). Например, реальная, ныне существующая деревня Каменка-Бунино (Становлянского района Петрищевской сельской администрации), родовое поместье Буниных, описана под названием Суходол в одноименной повести).

Своим названием реальная деревня Каменка-Бунино обязана реке, о которой упоминает И.А. Бунин в повести «Суходол»:

«В лесу терялась и речка Каменка, и те верхи, где протекала она, и деревня, и усадьба, и холмистые поля вокруг...» [2, III, 126].

Каменка – когда-то небольшая, в жаркие сезоны пересыхающая малая река, а во времена Бунина уже ручей, в Елецком уезде Орловской губернии (Становлянском районе Липецкой области). Сохранившееся каменистое русло бывшей реки играло большую роль в хозяйственной жизни населения края. В свою очередь, речка Каменка получила свое название по каменистому руслу реки, образовавшемуся вследствие выхода на поверхность залежей известняка.

И опять, как в случае с Озёрками, мы сталкиваемся с заменой реального топонима Бутырки литературным топонимом «Каменка». Но в данном случае эта пара топонимов не образует семантических параллелей и фонетических ассоциаций. В роли литературного топонима выступает реально существующий, хотя и обозначающий другой объект, но объект этот – родовое гнездо Буниных, которое в документах 1778 года отмечается как сельцо Семеновское (Каменка) в 12 дворов, принадлежащее Никифору и Дмитрию Семеновым, детям Буниных. Упоминаемый здесь Дмитрий Семенов является прадедом писателя И.А. Бунина. Позже владения «...Елецкой округи в сельцах Семеновском, Каменка тож, и в Озерках с деревнями и пустошами 300 десятин, с лесы, с санными покосы и со всеми угоды...» [3, 136] перешли родному деду писателя Николаю Дмитриевичу, и в списке населенных мест 1866 года отмечено сельцо Семеновское, а в нем – 8 дворов и 88 жителей. По данным 1926 г., деревня в 42 двора и 239 человек носила название Каменка-Бунина.

О той роли, какую играли Бутырки в жизни писателя и Каменка в жизни его литературных ге-

роев, мы можем прочитать в повести «Жизнь Арсеньева»:

«Несомненно, что именно в этот вечер впервые коснулось меня сознание, что я русский и живу в России, а не просто в Каменке, в таком-то уезде, в такой-то волости, и я вдруг почувствовал эту Россию, почувствовал ее прошлое и настоящее, ее дикие, страшные и все же чем-то пленяющие особенности и свое кровное родство с ней...» [2, V, 49].

Хутор Бутырки, бунинская Каменка, ассоциативно связанный с литературным Батурино, давно уже стерт временем с лица земли, хотя его следы еще и сегодня различимы на местности.

И Озёрки, и Бутырки с их названиями, историей, ландшафтом типичны для Орловской губернии. Будучи владениями мелкопоместных дворян, они мало чем отличались друг от друга. Небогатый дом, пруд, глухой, заросший сад, овраги, мелкоколесье, пересыхающие ручьи и небольшие речушки – вот обычная картина, составляющая пейзажный фон тургеневских, бунинских, пришвинских произведений. Но все-таки что же дает нам право думать, что бунинская Каменка – это Бутырки, а Батурино – именно те самые Озёрки, в которых прошло его гимназическое детство, в которых он стал признанным поэтом и которые были в конце концов утрачены семьей? Думается, что звеном, закрепляющим литературную топонимию на местности, является реальная микротопонимия, щедро введенная Буниным в тексты своих произведений:

«... раннее детство представляется мне только летними днями, радость которых я почти неизменно делил сперва с Олей, а потом с мужицкими ребятами из Выселок, деревушки в несколько дворов, находившейся за Провалом, в версте от нас...» [2, V, 15].

«А Провал был дальше, за ригой, за гумном, за обвалившимся овином, за просяным полем. Это была небольшая, но очень глубокая лощина, с обрывистыми скатами и знаменитым «провалом» на дне, которое зарастало высочайшим бурьяном. Это было для меня самое глухое из всех глухих мест на свете...» [2, V, 19].

«Однажды вечером влетели во двор усадьбы пастушата и крикнули, что Сенька на всем скаку сорвался вместе с лошадей в Провал, на дно Провала, в те страшные заросли, где, как говорили, было нечто вроде илистой воронки...» [2, V, 23].

И сегодня, недалеко от того места, где находились Бутырки (легко пешком дойти и от Озёрок),

можно увидеть все то же урочище Провал, омрачившее страшным и огромным событием счастливую детскую пору Ивана Бунина в Бутырках и Алексея Арсеньева в Каменке.

Годы спустя Иван Бунин, а еще позже и его герой Алексей Арсеньев расширяют свое жизненное пространство. Конные прогулки, увлечение охотой приводят их в леса и перелески, большинство из которых сохранилось и до наших дней. Заказ, Дубровка, Дубовый Верх, Острова – все эти микротопонимы, не зафиксированные топонимическими словарями, сохраняясь лишь в памяти коренных жителей, и в настоящее время являются ориентирами на местности.

«Ни гор, ни рек, ни озер, ни лесов, – только курстарники в лощинах, кое-где перелески и лишь изредка подобие леса, какой-нибудь Заказ, Дубровка, а то все поля, поля, беспредельный океан хлебов...» [2, V, 15].

«Потом мы взяли левее, пошли на Заказ, по межам среди необозримой черной пашни... Заказ был довольно большой полевой лес, принадлежавший полусумасшедшему помещику, который одиноко и враждебно всему миру, точно в крепости, сидел в своей усадьбе возле Рождества, охраняемой свирепыми овчарками, вечно судился с рождественскими и новосельскими мужиками, никогда не сходил с ними в ценах на работу...» [2, V, 45].

Заказ, Дубровка – типичные микротопонимы Елецкого уезда Орловской губернии, обозначающие лес. Название «Заказ» восходит к устаревшему значению глагола заказывать – запрещать. Заказ – лес, где запрещена вырубка деревьев. Дубровка – небольшой чистый лиственный лесок. Название восходит к апеллятиву «дубрава».

«Солнце было сзади, в пролет между деревьев впереди видно было солнечное поле, желтая равнина прошлогоднего жнивья. Выехав туда, он рысью погнал жеребца целиком на Дубовый Верх, на свой любимый лесок, низко серевший на горизонте... Дубовый Верх, тихий, неподвижный, обнял при въезде в него совсем жарким теплом и сладковатым запахом прошлогоднего дубового листа. Весь еще раздетый, с корявыми сучьями верхушек, сквозящими на мучительно нежном, бледно-голубом апрельском небе, лес казался маленьким, виден был из конца в конце...» [2, V, 511].

Дубовый Верх – микротопоним, типичный для Орловской губернии, обозначающий небольшой лесок. В состав микротопонима входит диа-

лектное слово «верх» в значении «овраг». Дубовый Верх – овраг с поросшими лесом склонами.

«В наших местах есть довольно большой лес, который зовут Островами...» [2, III, 309].

Остров, Острова – реально существующие многочисленные микротопонимы. Слово «остров» в елецких говорах обозначает небольшой отдельный лес, стоящий среди полей. Топонимы и микротопонимы с топоосновой *остров* являются типичными для Орловской губернии. Острова здесь – лес среди полей, как бы сформированный из нескольких частей, разделенных оврагами, ручьями или открытыми участками.

Если Дубровка, Заказ, Острова и т.д. – типичные и весьма распространенные в Елецком уезде микротопонимы, обозначающие леса и перелески, то названия дорог и оврагов позволяют сделать еще большую конкретизацию места.

«... я оседлал Кабардинку и пустился куда глаза глядят.. Помню, был в Малиновом, доехал до Ливенской большой дороги...» [2, V, 128].

Ливенская большая дорога – реально существовавший микротопоним, обозначавший дорогу Ливны – Ефремов.

«Устин, отец Парашки, жил при большой Новосильской дороге...» [2, III, 425].

Новосильская дорога – реально существовавший микротопоним, обозначавший дорогу, связывавшую уездный город Новосиль Орловской губернии с населенными пунктами Елецкого уезда той же губернии. В настоящее время частично совпадает с автомобильными дорогами местного значения.

«Много пустынных дорог и полей на Руси, но такого безлюдья, такой тишины поискать. И ящик мне сказал:

– Это, господин, Муравский шлях называется. Тут на нас в старину несметные татары шли...» [2, IV, 548].

Муравский шлях – один из путей набегов кочевников на Русские земли в XIII–XVII вв. – шел по водоразделу рек Ворскла и Северный Донец на Ливны и Тулу, пересекая реку Быструю Сосну севернее Ельца.

Приведенные нами микротопонимы вместе с реальными топонимами, рассеянными по страницам бунинских произведений, позволяют спроецировать на местности литературную топонимию, соотнести ее с фактической и определить ее истоки. Этот анализ не представляет самоцели, он является лишь средством проникновения в обето-

ванный мир писателя, в ту Бунинскую Россию, в которой жили и умирали его любимые герои, в которой родился и вырос сам писатель и, вынужденный ее покинуть навсегда, постоянно возвращался в нее в своих лучших произведениях.

В семнадцатилетнем возрасте И.А. Бунин написал стихотворение «К портрету А.С. Пушкина» по случаю 50-й годовщины со дня кончины поэта. В этом еще робком стихотворении, написанном неопытной рукой, есть такие строки:

*Но в сердце родины воздвиг
Он Мавзолей нерукотворный...*
[6, I, 242]

Теперь, через пятьдесят с лишним лет, истекших со дня смерти И.А. Бунина, эти строки в полной мере можно отнести и к нему самому. В сердце своей родины воздвиг он нерукотворный Мавзолей «бедным селеньям» своей отчизны, и «облетев весь мир мечтой, достигнув славы апогея», превратил их, уже на страницах своих произведений, в достояние мировой художественной культуры.

Литература

1. Бунин, И.А. Письма 1885–1904 годов. – М., 2003.
2. Бунин, И.А. Собр. соч. в 6-ти томах. – М., 1998.
3. Гончаров, Ю. Предки И.А. Бунина // Подъем, 1971. – № 1. – С. 124–157.
4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1981.
5. Липецкая энциклопедия. – Липецк, 2000.
6. Литературное наследство. Иван Бунин. – Кн. I. – М., 1973.